

Советский генерал, участник боев
за освобождение
Польши и Восточной Пруссии,
о формировании и боевой подготовке
бронетанковых войск
РККА



Николай Андреевич КОЛОСОВ

ВОСПОМИНАНИЯ
КОМИССАРА-ТАНКИСТА

Николай Андреевич Колосов

Воспоминания

комиссара-танкиста

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69470293

Воспоминания комиссара-танкиста: Центрполиграф; М.; 2023

ISBN 978-5-227-10455-7

Аннотация

Биография генерал-майора Н. А. Колосова (1909—1993) тесно связана с вооруженными силами нашей страны. В 1930-х годах он стоял у истоков формирования танковых войск РККА, а с началом Великой Отечественной войны на самом высоком уровне решал вопросы их реформирования и боевой подготовки в связи с новыми задачами. В составе действующей армии участвовал в боях за освобождение Польши и Восточной Пруссии. После войны Н. А. Колосов на политической работе в Советской армии, а позднее стал первым директором музея-панорамы «Бородинская битва». Полный ярких событий и интересных встреч жизненный путь автора и его мастерство рассказчика позволили создать интересную информативную книгу о Советской стране в сложные периоды ее истории.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Глава 1. Начало военной службы	7
Глава 2. 1-я механизированная бригада	29
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Николай
Андреевич Колосов
Воспоминания
комиссара-танкиста**

© Колосов Н.А., наследники, 2023

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023



Советский генерал, участник боев за освобождение Польши и Восточной Пруссии о формировании и боевой подготовке бронетанковых войск РККА

Глава 1. Начало военной службы

Весной 1931 года в наш Сибирский автодорожный институт, который находился тогда в Омске, приехал необычный гость – командир с тремя «шпалами» на черных петлицах танковых войск. Фамилия его была Уральцев. Командир несколько дней работал в отделе кадров института – ознакомился с личными делами студентов, а затем совершенно неожиданно пригласил для беседы меня и еще одного товарища. Разговор получился недолгим: нам было предложено перейти на учебу в... Саратовскую бронетанковую школу РККА¹.

– Вы – коммунисты, – так закончил Уральцев беседу, – и понимаете, что это предложение является для вас приказом Родины и партии. Стране нужны подготовленные командиры-танкисты. К тому же... – тут он немного замялся, – в стенах училища вы сможете закончить свое высшее образование.

Как оказалось, это была своего рода «святая ложь», чтобы заинтересовать нас и придать нам больше уверенности. Пожалуй, это было напрасно: нам, коммунистам, в любом случае было бы не к лицу отказываться от подобного предложения.

¹ РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия.

Думал ли я становиться профессиональным военным? Пожалуй, не исключал такую возможность. Моя комсомольская юность — это двадцатые годы, время, когда только-только отгремела Гражданская война, но все еще было неспокойно на наших границах — и на западе, и на востоке бряцали оружием агрессоры. Каждый из нас, молодых людей, мечтал защищать социалистическое Отечество от белобандитов, интервентов, а главнейшей задачей работы среди молодежи было военно-патриотическое воспитание, подготовка юношей к службе в армии. С врагами Родины были у меня и личные счеты: мой отец, рабочий-большевик, был в 1919 году расстрелян колчаковской контрразведкой. Мама умерла от тифа еще раньше, и мне пришлось испытать горькую судьбу беспризорника. Но вскоре меня отыскали дальние родственники и взяли в свою семью, как тогда говорилось, на иждивение.

Но на иждивении жить не хотелось, и мне довелось перепробовать и сменить много разных профессий: был рабочим на железнодорожных путях, библиотекарем, переписчиком ролей в театре. Особенным удовольствием оказалась работа в библиотеке — в ту пору я пристрастился к чтению: от корки до корки «проглотил» всего Майн Рида, Жюль Верна, массу приключенческой и детективной литературы. Когда работал переписчиком ролей, как человек, «близко стоявший к искусству», увлекся самодеятельностью, научился играть на многих струнных инструментах, даже солировал в оркестре.

Ну а потом немного подрос, взялся за серьезное мужское дело – пошел на транспорт. Окончил железнодорожное ФЗУ², работал слесарем, стал помощником машиниста. Дело мне это очень понравилось, однако долго им заниматься не пришлось. Меня рекомендовали на комсомольскую работу. Так я стал ответственным секретарем Петропавловского городского комитета РКСМ³. Должность эта соответствовала первому секретарю горкома комсомола в советское время.

Хотя я жил в совершенно сухопутном городе Петропавловске-Казахском⁴, но грезил морем, пусть толком-то и плавать не умел. Мечту о морских просторах, дальних странствиях, грозных крейсерах и линкорах, быстроходных эсминцах заронил в мое сердце приятель Саша Бархоткин – моряк первого комсомольского набора из наших краев. Ему мы все завидовали. Однако мне с самого начала пришлось «воевать» на сухопутье.

У комсомольцев в ту пору часто проводились военные игры и походы. С ними в определенной степени можно сравнить сегодняшние «Зарницу» и «Орленка», но тогда эти игры проходили в обстановке, более приближенной к реаль-

² ФЗУ – фабрично-заводское училище.

³ РКСМ – Российский коммунистический союз молодежи.

⁴ Петропавловск является самым северным городом Республики Казахстан и находится на территории Западной Сибири недалеко от границы с Россией, в 278 км к западу от Омска и в 273 км к юго-востоку от Кургана. Является одним из немногих сибирских городов, находящихся за пределами Российской Федерации.

ной, к боевой, были не столь «заорганизованными». Нашими «учениями» руководил командир стоявшей по соседству воинской части или, в крайнем случае, работник военкомата. Был у нас даже свой «бронепоезд» – обыкновенная железнодорожная платформа, укрытая мешками с песком. Мне довелось стать комиссаром этого «бронепоезда». А порой назначали меня комиссаром кавалерийского дивизиона – как умевшего сносно управлять конем. Меньше всего нравилось мне «в пехоте», хотя и это пришлось испытать...

На время военных игр мы облачались в командирскую форму, которую сами себе изготавливали, щеголяли в настоящих армейских шинелях и чувствовали себя лихими вояками. Впрочем, большинство руководящих работников в комсомоле в то время носили полувоенную форму, вне зависимости от того, имели ли они когда-нибудь отношение к армии или нет.

Подготовка молодежи к военной службе стояла во главе угла всей работы горкома. Вспоминаю, как много делали для воспитания будущих бойцов Красной армии первые комсомольцы нашего края: Федор Рузаев, именем которого теперь названа улица в Петропавловске, наш наставник и кумир Петрусь Лазутин – будущий председатель Ленсовета⁵.

⁵ Ленинградский городской Совет народных депутатов – высший орган власти на территории Ленинграда. Ленсовет ведет историю от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который был образован 27 февраля 1917 г. во время Февральской революции как орган революционной власти. Согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 сентября 1991 г., в связи с воз-

Фотография этого замечательного человека с его дарственной подписью хранится у меня до сих пор...

В командирской форме я продолжал ходить и в институте. Иногда менял защитную гимнастерку на черную путевскую – «паровозную», как ее называли, которой тоже очень гордился. Работа на железной дороге пристрастила меня к технике. Впрочем, хотя влечение к техническим наукам появилось у меня именно тогда, когда крутил я реверс на паровозе, выбрал я более молодую разновидность транспорта – автомобильный, который тогда в нашей стране бурно развивался, увлекая заманчивыми перспективами. Так я пришел в Сибирский автодорожный институт.

Вроде бы дело там пошло. Один из профессоров, заведующий кафедрой товарищ Лифанов (его имени и отчества я, к сожалению, не помню) – молодой, талантливый ученый, пользовавшийся среди студентов восторженным почитанием, – вдруг обнаружил у меня какие-то способности к пониманию тонкостей в области технологии металлов. Он пообещал, что после выпуска возьмет меня к себе на кафедру. Заманчивое предложение казалось фантастикой. К тому же оставалось два года учебы – срок для молодого человека очень большой, страшно загадывать, что дальше. И все же некоторые перспективы я уже видел.

И вдруг все резко изменилось. Партийная мобилизация

вращением Ленинграду его исторического названия, горсовет был переименован в Санкт-Петербургский городской Совет народных депутатов (Петросовет).

– а это проводился спецнабор Центрального Комитета ВКП(б)⁶ студентов вузов в ряды РККА – не оставляла для нас, коммунистов, иного выбора. К тому же такой новый и уже героический род войск, как бронетанковые войска, являлся пределом мечтаний для многих молодых людей. Воскресло прежнее увлечение военным делом, вспомнились былые мечты...

– Так вы охотно идете в танкисты? – вдруг, уже завершая разговор, спросил Уральцев. – Не будете потом возражать, жаловаться?

– Возражать не будем! – ответили мы твердо.

Заглядывая вперед, скажу, что с Уральцевым мне пришлось несколько раз встречаться в послевоенное время. Не было никаких претензий, что из-за его вмешательства так круто повернулась моя судьба.

На сборы нам дали совсем мало времени. Перед отъездом я забежал проститься к профессору Лифанову.

– Жаль, что наш «альянс», как вы говорили «много обещавший», не состоялся, – сказал я с печальной иронией.

– Не беда! – утешил Лифанов. – Вы останетесь специалистом того же профиля. Это где-то родственные специальности.

Прощание было очень сердечным. Профессор, напутствуя, постарался укрепить мою уверенность в правильности решения.

⁶ Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков), 1925–1952 гг.

– Желаю вам больших успехов на военном поприще, – сказал он. – Защищать Родину – дело самое благородное!

И вот я стал курсантом Саратовской Краснознаменной бронетанковой школы. Из института нас было направлено туда двое, но у моего товарища служба почему-то не пошла, он вскоре уволился из кадров, вроде бы по болезни.

Командные кадры для только еще создававшихся бронетанковых войск готовили две бронетанковые школы – Орловская и наша, Саратовская, реорганизованная из Краснознаменного пехотного училища⁷. Его славные боевые традиции пропагандировались в нашем коллективе, им придавалось большое значение в политико-воспитательной работе.

⁷ Саратовская бронетанковая школа имеет многолетнюю историю. Северный военный городок, где находилось училище, был создан под руководством А.И. Деникина (того самого из истории Гражданской войны). С 1910 г. здесь дислоцировался 185-й Башкадыкларский пехотный полк 47-й дивизии. Во время Первой мировой войны была школа прапорщиков, после революции с 1918 г. – разные курсы пехоты, пулеметные курсы, школа переподготовки командиров. В 1919 г. школа награждена орденом Красного Знамени за участие в боях с белыми. В 1928 г. создается бронетанковая школа, в 1938 г. 2-е Бронетанковое училище, а в 1931 г. учебное заведение было переформировано в Саратовскую бронетанковую Краснознаменную школу РККА. 1 июля 1932 г. состоялся первый набор курсантов-танкистов, которые были выпущены в 1933 г. К 1935 г. в школе училось 700 курсантов, к выпуску готовили лейтенантов-командиров взводов Т-26. В 1959 г. 1-е СКБТУ было реорганизовано в Саратовское Краснознаменное ордена Красной Звезды артиллерийское техническое училище, а затем высшее командно-инженерное (ракетное) училище. В 2003 г. Саратовское высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск им. Лизюкова было расформировано. См. подробнее: http://www.tankfront.ru/ussr/train/vuz/saratovskoe1_tu.html#4ref, а также <http://raketchik.su>.

Однако на тот момент многое в училище строилось еще по-другому. Строго говоря, его даже трудно было назвать «училищем» или «школой». Скорее, это были просто курсы, потому как готовили нас очень оперативно, и заниматься предстояло лишь восемь месяцев. Войскам необходимы были профессионально подготовленные командиры-танкисты. Спецнабор ЦК ВКП(б) был проведен для укрепления коммунистами командных кадров бронетанковых войск с учетом экономии средств и времени на обучение. По той же причине подготовка курсантов была однобокой – исключительно специальные дисциплины. Когда я сейчас вспоминаю то время, становится ясно, что никто, даже, пожалуй, само руководство училища не понимало, какой должна быть такая школа в действительности. Создавался качественно новый, ни с чем не сравнимый род войск. Однако, несмотря на ускоренные методы обучения, эта подготовка, помноженная на энтузиазм и желание курсантов стать настоящими командирами, дала неплохой результат. Впоследствии наши выпускники не раз доказывали это на полях Великой Отечественной войны, а еще раньше – в период боев на Дальнем Востоке, в Испании, на Карельском перешейке.

Школа находилась в самом Саратове, на горе, рядом с гражданским аэродромом. Военный городок был застроен добротными казармами, сохранившимися с царских времен. Оборудование казарм устраивало пехотное училище, но для танковой школы необходимо было все перестроить корен-

ным образом. Еще до нашего приезда в городке началось интенсивное строительство. Возводились гаражи для автомобилей, создавались танковые парки, оборудовались места для практических занятий, для вождения боевых машин. Одновременно строили новый штаб, благоустраивали казармы, территорию. Все это делали военно-строительные подразделения. Курсанты занимались только учебой.

Началась обычная военная служба. Впрочем, не совсем обычная. Я попал в батальон таких же, как и сам, молодых людей, имевших незаконченное высшее образование и прошедших лишь скромную вневоинскую подготовку, как это тогда называлось. На срочной службе никто из нас не был, и поначалу все сочли, что здесь, в школе, все будет как в институте. Определенное время отведено занятиям, а потом — как знаешь. Однако нам сразу дали понять, что пора отвыкать от студенческих привычек. Впрочем, мы были коммунистами, хорошо понимали смысл происходящего, свои задачи и быстро научились пресекать всякие размагничивающие настроения в своей теперь уже армейской среде.

Взвод наш состоял из двух отделений, и на третий день пребывания в училище я волей судеб и приказом начальства был назначен командиром первого из них. Кроме танковых эмблем, на моих черных петлицах появилось еще два треугольничка. Возможно, был учтен опыт моей комсомольской работы — более точно сказать не берусь.

Курсовым командиром был назначен очень тактичный,

грамотный, умный, но вместе с тем очень требовательный и умелый воспитатель – товарищ С.Ф. Чичерин⁸. Кстати, впоследствии в том же училище продолжительное время служил его сын – полковник О.С. Чичерин.

В первый же день командир объявил перед строем:

– Предлагаю договориться раз и навсегда: никому не следует ожидать или просить у меня каких-либо поблажек. Устав – наш главный закон. Ничего большего, чем неукоснительное выполнение этого закона, я от вас требовать не буду.

Это не было красивыми словами. С.Ф. Чичерин был сам живым примером точности, аккуратности и требовательности. Его обязательность и верность слову вошли у нас в поговорку. К тому же, действительно, все без исключения подчиненные были для него равны. Заслужил – поощрит, провинился – накажет, независимо от былых заслуг. Иных критериев, кроме того, как выполняют курсанты воинский долг, он не признавал.

Наверное, из всех моих товарищей я, как никто другой, нуждался в хорошем руководителе. Так как я рано лишился отца и не было примера старшего мужчины в семье, теперь, уже в общем-то великовозрастный, я относился к командиру

⁸ С.Ф. Чичерин – выпускник Саратовской школы прапорщиков, созданной в 1914 г., один из организаторов и преподавателей Саратовского танкового училища. В годы Великой Отечественной войны полковник Чичерин был начальником штаба 1-го Саратовского Краснознаменного ордена Красной Звезды танкотехнического училища имени Героя Советского Союза генерал-майора А.И. Лизюкова: <http://sokulin.ru/iz-istorii-saratova/vypuskniki-shkoly-praporshnikov.html>).

буквально как к отцу, стремился брать с него пример, и не ошибся. Считаю, что с командиром мне очень и очень повезло...

Нашим помощником командира был назначен Василий Шестаков, бывший донбасский шахтер, недавний студент индустриального института. С ним подружился мы с первых же дней. Пути наши впоследствии пересекались не единожды, мы навсегда остались друзьями.

Бронетанковые войска только создавались, остро требовались подготовленные кадры не только командиров, но и преподавателей. Поэтому нам, курсантам из студентов, пришлось и учиться самим, и учить своих же товарищей. Мне, к примеру, поручено было проводить занятия по ряду специальных технических дисциплин, в частности по электротехнике, полный курс которой я изучил на первом курсе института. Кое-кто из наших тоже успел познакомиться с этой наукой, а вот Никита Бабаев, например, бывший студент-гуманитарий, тогда еще не имел о ней ни малейшего представления.

Я вел занятия в своем взводе. Учитель я был не ахти какой, но все-таки разбирался в законах электротехники более квалифицированно, нежели недавний пехотный командир, номинально являвшийся преподавателем. Однако и он тоже готовился к каждому занятию, не просто сидел на моих лекциях и практических работах, а часто вмешивался, делал замечания, уточнения.

Это не был какой-то курьез, а горькая необходимость тех лет, нелегкое время становления и возмужания нашей армии, ее бронетанковых войск.

Немало трудностей было с изучением теоретических дисциплин, зато практике уделялось максимальное внимание. Основными предметами были огневая подготовка, вождение, изучение материальной части. Мы осваивали танк МС-1 – «малый советский танк – 1-я модель». Это был легкий, маленький, очень тихоходный однобашенный танк с так называемым «хвостом», которым он пользовался как опорой для преодоления окопов. Экипаж состоял из двух человек – командира и механика-водителя. Больше никого посадить в башню уже было нельзя, и это создавало трудности для политработников. Хорошо, если политрук танковой роты мог исполнять обязанности командира машины. А нет – тогда вынужден он был ездить на «хвосте» МС-1.

Но и этих несовершенных, маломощных машин тоже не хватало для боевых подразделений, а бронетанковые школы и подавно не могли получить их в необходимом количестве. Выход нашли: первоначально наше обучение проводилось на обычных тракторах «Фордзон»⁹. Вынужденная мера принесла немало пользы. На занятиях, где мы осваивали строи и бо-

⁹ Fordson («Фордсан», в русской транскрипции «Фордзон») – торговая марка сельскохозяйственных тракторов, выпускавшихся предприятиями Генри Форда в США (1917–1928), Ирландии (1919–1932) и Великобритании (1933–1964). Лицензионные Fordson, производившиеся в СССР в 1925–1933 гг. известны как «Фордзон-Путиловец».

евые порядки подразделений, ездить на тракторах оказалось полезно. С их высоких сидений хорошо было видно все происходящее вокруг, соседние машины. Наглядность обучения повышалась значительно. Но тут же возникла другая трудность: в то время управление подразделениями осуществлялось исключительно флажками. Командир подавал сигналы, командиры танков их дублировали. Оказалось, что без командира и на тракторе не обойтись. Пришлось приваривать к «Фордзонам» дополнительные сиденья.

Самое большое внимание уделялось огневой подготовке. Почти ежедневно мы отрабатывали упражнения с личным оружием, танковым пулеметом, пушкой Гочкиса¹⁰. Результаты были высокие. Потому что и до этого, в системе вневойсковой подготовки молодежь всерьез готовили к службе в армии. Многие с гордостью носили значки оборонного общества ОСОАВИАХИМ¹¹ и «Ворошиловский стрелок»¹². При-

¹⁰ 47-мм скорострельная пушка Гочкиса – нарезная казнозарядная скорострельная корабельная пушка, разработанная французской фирмой Hotchkiss et Cie в 1885 г. Оригинальное название – 3-фунтовая скорострельная пушка Гочкиса (Hotchkiss 3-pdr QF Cannon).

¹¹ Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ) – советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927–1948 гг., предшественник ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту).

¹² «Ворошиловский стрелок» – нагрудный значок Осоавиахима и РККА для награждения метких стрелков. Согласно одной версии, своим названием наградной значок обязан одной истории, произошедшей с Климентом Ворошиловым на зачетных командирских стрельбах летом 1932 г. Стрелки, которые выстрои-

шли мы в училище, конечно, не суперстрелками, но и новичками нас назвать было нельзя.

С машинами же и техникой многие были знакомы задолго до службы. Сам я научился управлять автомобилем еще в институте – по тем временам это было редкое умение. Но в автомобильных вузах уже после первого курса студент получал шоферские права, правда любительские, чтобы студент не бросил учебу и не ушел шоферить. Время было тяжелое, жили мы не очень сытно, а тут такая ходовая профессия давалась в руки.

Мы активно занимались спортом. Говорилось: «Броня не любит дряблых мышц», – и все курсанты дружили с гимнастическими снарядами, бегали кроссы, играли в футбол. Мы с Шестаковым даже входили в состав сборной команды школы: в футбол я начал играть во время работы на железной дороге. А еще у нас в почете были шахматы. В подразделениях по вечерам разгорались ожесточенные шахматные баталии, проводились первенства школы.

В почете было и творчество, в то время в армии художе-

лись у своих мишеней после проведенных стрельб, докладывали свои результаты наркому по военным и морским делам, председателю Реввоенсовета СССР Ворошилову. У одной, совершенно новой и чистой мишени, командир посетовал на плохой револьвер. Климент Ворошилов, взяв оружие у этого командира, отошел на рубеж для стрельбы. Потом проверили результат, и оказалось, что семью выстрелами нарком выбил 59 очков. Возвращая оружие тому командиру, Ворошилов сказал: «Нет плохого оружия, есть плохие стрелки». После этого рассказ об этом случае был напечатан в окружной газете и в последующем получил большую известность.

ственная самодеятельность была на высоком уровне. Многие делали для повышения нашего культурного и общеобразовательного уровня. Курсанты поддерживали контакты со студентами саратовских вузов, в особенности родственного нам по профилю автодорожного института. К нему я относился с особой теплотой – ведь это был «родной брат» моего СибАДИ¹³. Тогда были одновременно сформированы пять автодорожных институтов: в Москве, Ленинграде, Харькове, Саратове и Омске.

Но раз уж речь зашла о самодеятельности, то не могу не вспомнить, как я лихо играл тогда на хроматической гармошке¹⁴, а Шестаков был блестящим запевалой. И вот когда мы собирались где-нибудь после занятий, самоподготовки, а то и просто во время перекура на стрельбище или танкодроме, то подпевали обычно все, у кого было желание и хоть какой-то голос. К сожалению, гармошку, этот славный мой инструмент, я оставил в училище. Когда мы закончили учиться, нам, молодым командирам, строго было наказано – не иметь с собой ничего лишнего. Пришлось оставить там и свою маленькую библиотечку...

В школе мы жили настоящей, полнокровной жизнью, дружно, весело, несмотря на все трудности, очень напряжен-

¹³ Сибирский автодорожный институт.

¹⁴ Хроматическая гармоника (хроматическая гармошка, «хромка», «хроматика») – разновидность гармоники, отличающаяся возможностью играть хроматически (то есть использовать все ноты) без использования специальных приемов.

ную и интенсивную программу. Курсантское это время вспоминаю теперь с особой теплотой.

Подготовке танкистов руководители нашей армии уделяли очень большое внимание. Помню, как к нам приезжал народный комиссар по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета¹⁵ Климент Ефремович Ворошилов¹⁶.

Что он приедет, мы знали заранее, но точных сроков не ведал никто. Волновались все, особенно мы, младшие командиры. Не то чтобы боялись, что обнаружатся какие-то упущения или беспорядок в расписаниях. Нет, дело, как ни странно, было в другом. Обычно мы заступали в наряд дежурными по роте или помощниками дежурного по школе. А значит, кому-то из нас предстояло представляться наркому. Вдруг он нагрянет внезапно, как это нередко делалось в то время, без парадных встреч, без свиты сопровождающих. Вот и придется каждому дежурному по роте доклады-

¹⁵ Революционный военный совет республики (РВСР, Р. В. С. Р.), реввоенсовет (РВС) – высший коллегиальный орган управления и политического руководства Рабоче-крестьянской Красной армией (РККА) в 1918–1934 гг.

¹⁶ Климент Ефремович Ворошилов (1881–1969) – российский революционер, советский военачальник, государственный и партийный деятель, участник Гражданской войны, один из первых Маршалов Советского Союза. С 1925 г. нарком по военным и морским делам, в 1934–1940 гг. нарком обороны СССР. В 1953–1960 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР. Дважды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда. Член Политбюро ЦК ВКП(б) (1926–1952), член Президиума ЦК КПСС (1952–1960). Ворошилову принадлежит рекорд продолжительности пребывания в Политбюро ЦК ВКП(б) (ЦК КПСС), Президиуме ЦК КПСС (34,5 года).

вать наркому, а форма доклада была не из легких. Попробуй произнеси громко, четко, на едином дыхании:

– Товарищ народный комиссар по военным и морским делам и председатель Революционного военного совета Союза Советских Социалистических Республик! Дежурный по роте курсант Саратовской Краснознаменной бронетанковой школы Колосов!

Сбейся на полуслове – позора не оберешься. Вот этого-то мы и боялись. Но хотя Климент Ефремович действительно нагрянул неожиданно, никто из нас не подкачал. Ворошилов придиричиво, но вместе с тем как-то запросто, по-дружески, с интересом и вниманием расспрашивал нас о службе, учебе, житье-бытье. Курсанты отвечали без робости, подробно, очень вежливо, и чувствовалось уважение к прославленному полководцу. Как нам показалось, нарком покидал училище, будучи удовлетворенным и беседой с нами, и состоянием учебно-материальной базы, боевой и учебной техники, и вообще – общим порядком и организацией дел.

О том, какие еще контакты с Ворошиловым были у меня много лет спустя, расскажу в последней главе этой книги.

Вскоре нашу бронетанковую школу взволновало другое событие: один из батальонов должен был принять участие в учениях войск Приволжского военного округа. Каждый из нас воспринял это как шанс, особую честь и доверие. В маневрах участвовали только стрелковые и кавалерийские дивизии – других в составе войск округа не было – а мы,

действуя на стороне наступающих, «красных», должны были представлять бронетанковые войска.

В состав батальона вошли товарищи из других рот, уже служившие в армии, имеющие некоторый опыт. Однако механиков-водителей оказалось недостаточно, и тогда взяли нас, бывших студентов, в том числе Шестакова, Баскакова и меня. Подразделение действовало как танки НПП – непосредственной поддержки пехоты: совершало марши, атаковало противника, уверенно его побеждая. Командиры «играли», то есть работали на картах, принимали решения, выполняли приказание вышестоящих штабов, а мы знали свою задачу лишь «на ступень выше» – за взвод. Зато нам довелось узнать, насколько тяжела служба танкиста. В перерывах между «боями» мы обслуживали танки: заправляли, осматривали, ремонтировали. Не было ни одной свободной минуты.

В таких условиях мы радовались любой возможности отдохнуть. Какая-то наша «светлая голова» надумала, как отдохнуть даже во время марша. Танки МС-1 были весьма тихходны. Можно было даже делать так: ставить акселератор на постоянный газ, подкрутив для того один вентиль, и танк шел «самостоятельно». Как выразился один из наших остро-словов, «он сам и бредет себе по шоссе». Если же требовалось повернуть, то совсем не нужно было залезать в танк. Перевешивайся на животе через люк, поправь рычаг, одной рукой нажми на газ, другой – поверни рычаг в сторону пово-

рота. Танк повернется и опять пойдет по курсу, а ты прыгай на землю и вновь иди пешком. Хотя и говорится, что «лучше плохо ехать, чем хорошо идти», но все же в жару намного приятнее неторопливо следовать за танком по шоссе, нежели скрючившись сидеть посреди раскаленного металла, набивая синяки и шишки от тряской дороги.

И вот однажды, запомнилось, таким образом сопровождали мы свои МС-1. Вдруг – машина командира батальона! Нас словно корова языком слизала, все мигом оказались в танках. Думали, Василий Михайлович Баданов задаст на орехи, но ошиблись.

– Молодцы! Находчивые ребята! – заявил комбат с искренним восхищением в голосе. – Вы же свои силы сохранили – так что теперь без всякого отдыха можете в атаку идти.

Баданов приказал атаковать условного противника в пешем строю. Нужно ли говорить, что это было за «удовольствие»?

Комбат Баданов был у нас любимым командиром. Человек быстрый, энергичный, маленького росточка, как и большинство танкистов того времени, он всегда находился в курсе дел и событий. По танкам, с одного на другой, он, несмотря на возраст и начальственное свое положение, бегал прямо как юноша. Своей неумемной энергией Василий Михайлович буквально заражал.

Впоследствии вновь и вновь сводила меня судьба с этим замечательным человеком. Так, из училища он ушел на

должность командира батальона боевого обеспечения в танковую бригаду. В его подчинении находились различные специальные танки – инженерные, огнеметные и т. д. Однажды на учениях я оказался в этом батальоне посредником. Помню, когда возникла необходимость быстро доставить горючее к подразделениям, собиравшимся наступать, Баданов сам взялся за дело. Подобрал лучших механиков-водителей, других специалистов – подчиненных он всегда знал замечательно, и боевая задача была выполнена в кратчайший срок.

Часто встречались мы с Василием Михайловичем во время Великой Отечественной войны. Он командовал 2-м гвардейским Тацинским танковым корпусом, 4-й гвардейской танковой армией. Службу генерал-лейтенант танковых войск В.М. Баданов закончил в 1953 году, работал в центральном аппарате Министерства обороны СССР.

Наша учеба, как уже говорилось, продолжалась не долго. Через восемь месяцев, в марте 1932 года обучение закончилось стажировкой на Ворошиловском заводе в Ленинграде. Там мы осваивали только что принятый на вооружение танк Т-26. Этих машин существовало несколько модификаций – двухбашенные и однобашенные. Одни были вооружены пулеметами – это называлось «танк-самка», другие – пушками, «танк-самец». Двигатель был карбюраторный. По скорости и маневренности Т-26 значительно превосходил наш родной МС-1. Мы сразу решили – это настоящий танк. И конечно, должны были как следует познакомиться с этой современ-

ной превосходной машиной, получив квалификацию механика-водителя.

Самым замечательным делом для нас оказалось участие в сборке танков. Все мы, призванные по спецнабору из вузов, еще до этого имели приличный рабочий стаж, а потому сразу достаточно уверенно стали работать слесарями, сборщиками. Поначалу кадровые питерские пролетарии, отдавшие заводу не один десяток лет, поглядывали на нас с недоверием. Сами-то они имели немалый боевой опыт: вершили Октябрьскую революцию, защищали Петроград от полчищ Юденича в 1919 году... Но вот что мы имеем рабочую закваску – этого они как-то не предполагали. Но когда пригляделись, увидели курсантов в деле, то стали поручать нам более тонкие работы: не просто орудовать молотком и гаечным ключом, а где-то пришабривать, притереть, подгонять одну деталь к другой. Мы, добравшись до родного рабочего дела, не только с большим прилежанием, но и с искренним удовольствием трудились на сборке тех машин, на которых нам в скором времени предстояло защищать Родину. Конечно, отношение наше к этой технике, рассчитанной светлыми головами советских конструкторов, созданной умелыми руками наших рабочих, было у нас особенно бережное и заботливое. Там, на заводе, мы реально остро ощущали неразрывную связь советского народа и его Рабоче-крестьянской Красной армии...

По возвращении в школу мы сдали выпускные экзамены –

не слишком сложные, и сразу после этого состоялся выпуск, который у нас нарекли «скоропалительным». Торжественное построение, митинг, поздравления, сердечные прощания с нашими командирами, преподавателями, наставниками. Мы получили новую командирскую форму с алым кубиком на черных петлицах. Наше звание или, скорее, категория именовалась так – «командир взвода К-3».

За назначением предстояло ехать в Москву, в Управление кадров. Как и большинство моих однокашников, я был направлен в 1-ю механизированную бригаду, носившую имя начальника Управления моторизации и механизации РККА, одного из первых наших советских бронепоездников – Константина Брониславовича Калиновского. Бригада стояла в Наро-Фоминске, под Москвой.

Глава 2. 1-я механизированная бригада

Итак, мехбригада имени К.Б. Калиновского... В 1932 году формирование этой первой – не только по порядковому номеру, но и в прямом смысле слова – первой советской механизированной бригады еще только начиналось. Мы, молодые командиры, приехали и начали с нуля. Личный состав наш должен был заниматься не только боевой и политической подготовкой, но и строительством казарм, различных служб, созданием учебно-материальной базы, возведением танковых парков, гаражей и прочих элементов военного городка. Нас разместили в только что отстроенной казарме, на втором этаже. Лестниц у этого здания еще не было, наверх приходилось взбираться по веревочным трапам, как на старинном парусном корабле. Впрочем, это никого не смущало. Мы понимали, создание нового никогда не обходится без трудностей. А их нас научили преодолевать еще в БТ-школе, там, где получили мы армейскую выучку, где закалились наши характеры.

В части мое назначение было конкретизировано: меня направили в бригадную школу в должности инструктора бронетанковой роты одногодичников. Нужно уточнить для современного читателя, что это было за подразделение.

Дело в том, что все выпускники вузов – институтов и университетов – на один год призывались в ряды РККА и уходили в запас командирами «К-3». Службу они проходили в ротах одногодичников.

К делу следовало приступить не мешкая, без раскачек и долгого «вхождения в должность». К тому же почти сразу меня избрали секретарем ротной парторганизации. Среди выпускников вузов было немало коммунистов, наша партийная ячейка оказалась довольно большой. В общем, у меня сразу же появилось множество всевозможных обязанностей. И было не просто, курсанты по возрасту в лучшем случае были моими одногодками, а большинство и старше.

В то время на вооружение бригады только-только поступили танки Т-26, хорошо уже знакомые выпускникам Саратовской школы. Нам, инструкторам бронетанкового дела, было поручено проводить занятия на технике не только в своих подразделениях, но и с личным составом других рот, даже с командирами среднего и старшего звена. Формы проведения занятий были самые разные. Так, курс электрооборудования танка Т-26 мне было поручено прочесть по внутреннему бригадному радио – во внеучебное время. Кстати, подобные радиопередачи проводились у нас регулярно и были довольно эффективны.

Работа эта помогла недавним выпускникам школы быстро заслужить деловой авторитет. Служивцы стали подходить к нам с вопросами, обращались за советом и помощью. Мы

скоро почувствовали себя в коллективе нужными людьми.

Итак, забот было немало, но как-то удавалось со всем справляться. Здесь хочется вспомнить добрым словом наше училище, наш боевой партийный коллектив. Курсантам-коммунистам давались серьезные партийные поручения, требовалось их безусловное выполнение. С нами вдумчиво и внимательно работали опытные коммунисты, умелые воспитатели. В итоге большинство вышло из стен школы не только образованными командирами, но и основательно подготовленными к партийной, общественной работе.

Каким-то образом в редакции бригадной многотиражной газеты узнали, что мне в свое время приходилось заниматься комсомольской печатью. Тут же, не принимая никаких возражений, меня ввели в редколлегию. К сожалению, название нашей многотиражки за давностью лет уже позабылось, но о самой газете, ее редакционном коллективе у меня сохранились самые добрые воспоминания.

В те времена мне довелось попробовать силы в разных газетных жанрах. Особенно полюбил очерки – один из наиболее удачных был посвящен спортивной теме и начинался, насколько помнится, так.

Два пацана из числа жизнерадостной смены стояли и разговаривали друг с другом.

– Слушай, а Викина мама бежала? – спрашивал один из них.

– Бежала!

– Ну и как?

– Еле добежала!

Редактором газеты был опытный журналист Сергеев-Планский. К сожалению, не знаю, как сложилась его судьба. Многотиражка была известна и ценилась не только в масштабах бригады. Мы даже делились опытом военкоровской работы на страницах «Красной звезды»¹⁷.

Все-таки на первых порах жилось нам довольно скучно. Дел было много, служба увлекала, но вот свободное время уходило как-то бесцельно. Его было мало, и потому такие потери казались обидны вдвойне. Вот и задумались коммунисты подразделения: чем и как привлечь людей к общественной работе? Решили, что самое лучшее – организация красноармейской самодеятельности.

Помню Ваню Веревкина, моего однокашника. Это был хороший спортсмен, атлетически сложенный человек. Он увлекался акробатикой и стал инициатором создания акробати-

¹⁷ Газета «Красная звезда» создана по решению Политбюро ЦК РКП(б) от 29 ноября 1923 г. как центральный печатный орган наркомата обороны СССР по военным делам (в последующем – Министерства обороны СССР). Первый номер вышел 1 января 1924 г. В период Великой Отечественной войны «Красная звезда» стала одной из ведущих общенациональных газет. В редакции трудились такие выдающиеся писатели и публицисты, как М.А. Шолохов, А.Н. Толстой, В.В. Вишневский, К.М. Симонов, А.П. Платонов. В 1992 г. с созданием Министерства обороны Российской Федерации «Красная звезда» стала его центральным печатным органом, была зарегистрирована в Министерстве печати информации РФ как общероссийское печатное издание, учредителем которого является военное ведомство.

ческой группы – все показательные выступления сопровождались громким успехом. Ну а я выступил «закоперщиком» художественной самодеятельности. Наш бригадный драмкружок вскоре превратился в настоящий театр. Мы не боялись ставить серьезные пьесы. Особенно запомнились мне «Луна слева» Билль-Белоцерковского¹⁸, где я играл председателя ЦК Королева, и «Декабристы» – я исполнял роль декабриста К.Ф. Рылеева. Помнится, допустили мы одну неточность: решили почему-то, что все декабристы должны быть в военной форме. Так и мой герой оказался в офицерском мундире. Хотя это было незначительное отступление от исторической правды: Кондратий Федорович Рылеев после окончания кадетского корпуса служил в конной артиллерии, участвовал в заграничном походе русской армии в 1814 году. Но это так, к слову.

Потрясла пьеса «Овод» по роману Войнич¹⁹. Я играл Артура – свою самую трагическую роль. В честь него я назвал своего старшего сына, родившегося в 1936 году.

Ну а в основном репертуар нашего театра был военный.

¹⁸ Владимир Наумович Билль-Белоцерковский (1885–1970) – русский советский писатель, драматург. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1935). Автор многих пьес пропагандистского характера, среди которых «Шторм» (1926; значительно переработана в 1935 г.), вошедшая в классический репертуар советских театров. Публиковал рассказы.

¹⁹ «Овод» (*англ.* The Gadfly) – революционно-романтический роман, наиболее известный русскоязычному читателю труд английской, позднее американской писательницы Этель Лилиан Войнич. Впервые вышел в 1897 г. в США.

Во многих пьесах мне приходилось играть героические роли, что мне чрезвычайно нравилось.

Участвуя в самодеятельности, я еще и солировал в оркестре. Нужда в свое время заставила меня научиться играть на разных инструментах, так что в студенческие годы приходилось подрабатывать на похоронах, играя на альтушке. Теперь все эти навыкигодились, дел было по горло.

Но все-таки на первом месте была служба. С наступлением весны личный состав бригады большую часть времени проводил на полигоне и танкодроме. Занимались опять-таки не только боевой подготовкой, но и оборудованием мест для боевой учебы, строительством полигонных сооружений, созданием мишенного поля, препятствий для отработки упражнений по вождению танков. К тому же мы часто привлекались к разного рода учениям, полевым поездкам. Наши бронетанковые войска только создавались, и нам приходилось участвовать в учениях не только войск нашего Московского округа, но и приграничных округов – Киевского и Белорусского. Обычно мы выезжали туда эшелонами. После «боев» обменивались опытом организации занятий, обучения личного состава с командирами тамошних танковых частей и подразделений. Об опыте учений немало писалось в нашей многотиражной газете, в газете Московского военного округа «Красный воин». Это и понятно: многое делалось впервые, вызывало большой интерес.

Помнится, как в ходе учений на Украине мы на практи-

ке убедились в абсолютном превосходстве нашего молодого рода войск над кавалерией, которая тогда еще была в очень большом почете.

В ходе «боевых действий» нам предстояло встретиться с конницей – против бригады пустили кавалерийский казачий корпус. Конники еще готовились к выступлению, когда наша разведка определила их местонахождение. Скрытно подойдя к «противнику», танки развернулись в боевую линию и атаковали. Лошади, перепуганные ревом двигателей, лязгом гусениц, громом холостой стрельбы, в испуге отрывались от коновязей, скакали в разные стороны. Нам, танкистам, больно было видеть этих прекрасных и умных животных такими испуганными, мечущимися. Но эта демонстративная атака была необходима – в то время многие большие начальники считали, что конница и в «современной войне» явится решающей ударной силой. Мы доказывали обратное: в век техники кавалерия становится вчерашним днем, армию нужно ориентировать на «железного коня».

На месте стоянки кавалеристского корпуса творилось нечто невообразимое. Разъяренные казаки, не внемля голосу разума, вскакивая в седла, бросались на танки, пытались попасть шашками в смотровые щели остановившихся машин. Посредники поспешили развести наши части.

Каждый выезд на учения становился для нас серьезной школой. В поле обычно выходила вся бригада – пять батальонов, а в местах постоянного расположения оставалась

только бригадная школа. Однако большинство ее командиров на время учений прикомандировывались к боевым подразделениям.

Напряженная боевая учеба проводилась с большой перспективой. В период интенсивного развития бронетанковых войск, когда в различных округах развертывались новые механизированные и танковые части, бригада готовила для всей армии прекрасно подготовленных специалистов – командиров и красноармейцев. Ее даже так и называли в шутку – «рассадник танковых и механизированных войск РККА».

Большим количеством перемещений объясняется и быстрый рост молодых командиров. После первого года службы многие из нас стали командирами взводов бригадной школы. Меня назначили взводным в роте одногодичников – уже «К-5», три квадрата в петлицах²⁰.

А вскоре бригада наша была развернута в мехкорпус трехбригадного состава. 14-я мехбригада осталась на старом месте, мотострелковая бригада разместилась в Солнечногорске, а та часть, в которую был направлен я – 13-я мехбригада, – шла в Калугу. Одновременно произошла и реорганизация частей. Вместо бригадной школы в составе каждой бригады был сформирован учебно-танковый батальон. В связи с этим ряд наших товарищей, и я в том числе, получили новые

²⁰ Командир роты. 6 января 1919 г. РВСР приказом № 116 ввел нарукавные знаки различия командного состава: под красной звездой красные суконные треугольники для младшего комсостава, квадраты для среднего и ромбы для старшего и петлицы с расцветкой по родам войск.

назначения. Мы стали командирами учебно-танковых рот. Уже – «К-6»²¹.

Итак, все то, что с таким трудом и старанием возводилось в Наро-Фоминске, оказалось нашим подарком кому-то. Нам же пришлось в сложных условиях передислоцироваться, обустриваться на новом месте. Батальон, где я служил, убывал в Калугу в качестве «передового отряда», а моя рота была как бы его «головной походной заставой».

На новом месте для нашего размещения были отведены какие-то старые казармы. Гаражи, танкопарк, танкодром и все прочее приходилось строить и готовить самим. Дел – край непочатый. К тому же как раз в тот период бригаду перевели на принципиально новую технику – колесно-гусеничные танки БТ. В «Калиновке» ранее был батальон этих замечательных машин, все по-доброму завидовали счастливцам, служившим в таком подразделении. Теперь новую технику получили и мы, и значит, нашему учебному батальону предстояло готовить специалистов для всей бригады. Это была очень интересная и заманчивая задача. В 1-й роте готовили механиков-водителей, во 2-й, моей, – командиров башен, в 3-й – мотористов. Командовали танками БТ средние командиры, как правило, выпускники Орловского училища.

Новые машины можно было назвать шедевром. Мощной пушкой, маневренностью, скоростью они значительно превосходили Т-26. На колесном ходу танки могли совершать

²¹ Командир батальона.

стремительные марши по шоссе, хорошим грунтовыми дорогам, затем в течение 20–30 минут их переводили на гусеничный ход, и они могли двигаться по полю и бездорожью.

Танк этот постоянно совершенствовался: сначала в его вооружении были пушка и пулемет, потом пулеметов стало два, затем добавился зенитный пулемет. В течение ряда лет БТ открывали парады войск на Красной площади. На высоких скоростях – километров тридцать – сорок в час – пятерка боевых машин, осененных алым знаменем на башне головного танка, проносилась по брусчатке мимо Мавзолея Владимира Ильича Ленина. Все любовались – это было красивое, впечатляющее зрелище.

В то же время управлять этим танком было сложно: на высоких скоростях у него проявлялась некая «скрытая энергия», так что следовало быть предельно осторожным, внимательным.

К сожалению, как стало ясно в первых же боях Великой Отечественной войны, БТ располагали довольно тонкой броней – ее легко пробивали немецкие противотанковые пушки. К тому же, хотя к началу 40-х годов авиационный мотор этой машины уже был заменен на специальный танковый, все же бэтушки сильно горели. Но в свое время эти танки были очень хорошей моделью, мы гордились этой техникой.

Рота моя готовила командиров башен – была тогда такая должность в экипаже, и главной нашей задачей было обучение курсантов боевой стрельбе. Честно говоря, мне больше

по душе была работа с механиками-водителями, но начальство распорядилось по-иному. Утешало, что командир башни тоже был обязан уметь управлять танком – взаимозаменяемость являлась неотъемлемым условием подготовки экипажей.

В ту пору нашим учебно-танковым батальоном руководил молодой, очень энергичный командир – Дмитрий Данилович Лелюшенко²². Человек неиссякаемой энергии, безукоризненно знающий и беззаветно любящий свою армейскую специальность, очень требовательный, в чем-то даже жесткий, он был для нас заботливым и справедливым начальником, основное внимание уделявшим именно боевой выучке личного состава. Лелюшенко стремился, чтобы его подчиненные досконально знали все отрасли «танковой науки», обладали прочными навыками боевой работы. Вот как он этого добивался...

Однажды Дмитрий Данилович решил проверить, как командиры знают строи и боевые порядки подразделений. Перед тем как заняться проверкой он сам проштудировал все наставления и уставы. В понедельник утром он остановил первого встречного командира взвода.

²² Дмитрий Данилович Лелюшенко (1901–1987) – видный советский военачальник. Командир 39-й отдельной танковой бригады в советско-финской войне 1940 г., затем командир 21-го механизированного корпуса, командующий 1-м особым гвардейским корпусом, 1-й и 3-й гвардейскими, 5-й, 30-й армиями и 4-й гвардейской танковой армией в Великой Отечественной войне. Генерал армии. Дважды Герой Советского Союза.

– Скажи-ка, какие есть боевые порядки взвода? – строго спросил комбат.

Тот начал было докладывать, но Лелюшенко его остановил:

– погоди! Давай более наглядно, видишь, камушки на бровке лежат? Садись, на камнях показывай.

Взводный опустил на корточки, Дмитрий Данилович присел рядом.

– Вот так будет наступление углом вперед, – расставил камни комвзвода.

Лелюшенко слушал внимательно, задавал вопросы. Наконец, убедившись, что данная тема командиру знакома, разрешил ему идти. Тот, конечно, поспешил к товарищам, подробно рассказал о неожиданном экзамене. Тем временем комбат уже останавливал другого командира и задавал вопросы на ту же тему. Особенно строго и придирчиво опрашивал он командиров взводов и танков. Конечно, после первого случая, зная требовательность своего комбата, все мы сели за уставы и наставления, и в скором времени любой из нас знал данную тему отлично.

Но Дмитрий Данилович зря времени не терял. За неделю, когда экзаменовал нас по вопросам боевых порядков и строев, он успел детально проработать новую тему. С понедельника все повторилось вновь – первого же встречного он попросил показать сигналы управления танковым подразделением в бою.

Как-то он даже устроил «экзамен» в бильярдной. В Доме Красной армии стоял чудный бильярд, и мы, тогда еще холостяки, в свободное время нередко сюда заглядывали. И вот, когда очередная партия была в разгаре, в комнату буквально ворвался Лелюшенко.

– Займемся делом! – безапелляционно заявил он. – Будем считать, что шары – это танки...

Комбат переставил шары по-своему и заставил игравших решать тактическую задачу прямо на зеленом сукне стола. Конечно, партия была спутана, ребята были недовольны.

Кстати – и это может подтвердить мой бывший командир, – у нас с ним сложились очень хорошие отношения. Основывались они исключительно на оценке уровня моих знаний: по старой, укоренившейся еще со студенческих лет привычке я очень прилежно занимался и потому всегда хорошо ему отвечал. После нескольких безуспешных попыток меня подловить Дмитрий Данилович оставил меня в покое. Учитывал он, безусловно, и то, что наша рота считалась в батальоне лучшей, а мой портрет висел на Доске почета в Доме Красной армии.

Когда наши товарищи поняли, что Лелюшенко в отношении меня никаких шуток не допускает, они сразу запросились играть в бильярд со мной, зная, что уж тут-то комбат шары переставлять не будет. Лелюшенко – это очень важно для понимания сущности его характера – умел ценить людей. Несмотря на свою строгость, он всегда показывал себя

очень заботливым командиром. Так, поставил себе за правило снимать пробу пищи из солдатских котлов и выполнял это неукоснительно. Даже в Калуге поначалу, когда было у нас несколько пунктов раздачи, Дмитрий Данилович ежедневно объезжал каждый из них. В батальоне жалоб на качество пищи не было никогда.

Внимательный и заботливый к подчиненным, Дмитрий Данилович требовал, чтобы и мы постоянно вникали в заботы личного состава, всегда были с бойцами, подавали пример. По его инициативе было заведено: на танкодроме, на стрельбище в танк первым садится командир роты. Вспоминается, как во время занятий мне на бэтушке нужно было выполнить упражнение по стрельбе с ходу. Как всегда, заряжающим у меня был командир первого взвода Федор Белозеров – впоследствии генерал-лейтенант, преподаватель Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил СССР имени К.Е. Ворошилова. Танк уже выходил на рубеж открытия огня, когда оказалось, что оторван шнур ножного привода к спусковому крючку. Что делать? Возвращаться – это будет расценено как невыполнение упражнения. Мол, раньше проверять надо было. Тогда мы решили вести огонь «вручную». Я наводил, а Белозеров стрелял, потому как до спускового крючка, работающего от руки, можно было дотянуться лишь с места заряжающего.

Танк движется вперед. Вот на перекрестье прицела попадает силуэт мишени.

– Пли! – перекрывая лязг и грохот, кричу я.

А танк тем временем мчится дальше, точка прицеливания сбита (стабилизаторов танкового вооружения в то время у нас еще не существовало), тут гремят выстрелы, куда-то летит пулеметная очередь.

Самое удивительное, что на «уд.» мы все-таки отстрелялись. Когда доложили обо всем Лелюшенко, то он был очень доволен нашей находчивостью, тем, что экипаж не вернулся сразу, все-таки выполнил упражнение.

Личный пример командира подразделения требовался и во время спортивных занятий. Тогда очень большое внимание уделялось так называемым «нормам УБП», нормативам по физической подготовке, установленным Управлением боевой подготовки (УПБ). Их выполнение строго регламентировалось для каждого периода службы. Мы много работали на снарядах: турнике, параллельных брусьях, коне. Здесь, в батальоне, физкультура оказалась в еще большем почете, чем в Саратовской БТ-школе. Лелюшенко мог прийти на занятие и показать, как, например, выполняется «скобка». Он виртуозно выполнял сложные гимнастические упражнения. После него к снаряду должен был подойти командир роты, за ним – взводные и помкомвзвода. Так начиналось каждое спортивное занятие: первым выполнял упражнение тот, кто занятие проводил.

Физруком батальона был Николай Копылов, с которым мы подружились еще в Наро-Фоминске, где жили в одном

домике. Еще учась в Ленинграде, он участвовал в марафонском пробеге на 42 километра, стал чемпионом Советского Союза. Нужно ли говорить, что этот замечательный спортсмен был кумиром не только для солдат, но и для молодых командиров. Своим примером Копылов пристрастил к занятиям по бегу весь батальон. Сам же он тренировался очень оригинально – стартовал наперегонки со своей борзой собакой.

Но не только спортивными достижениями прославился наш сослуживец. В боях Великой Отечественной войны он показал себя умелым и хладнокровным командиром. В 1945 году Герой Советского Союза Николай Копылов командовал танковой бригадой.

С легкой руки физрука мы увлеклись бегом – бегали, бегали и... добегались. В частности, я добегался. В 1935 году, когда подал документы в Военную академию механизации и моторизации – теперь это Военная академия бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского, – то врачи меня ошарашили:

– А вы, к сожалению, не годитесь по здоровью, товарищ командир. У вас – сердечная недостаточность...

Гром среди ясного неба! Я никогда на здоровье не жаловался, активно занимался спортом, закалялся, и тут вдруг такое. Медики объяснили, что причина – в излишних нагрузках.

– Учтите все, что мы вам сказали, и приезжайте на бу-

душий год, — закончил врач наш разговор. — Помните, все должно быть в пределах разумного.

Вернувшись в бригаду, я не стал бросаться в другую крайность — прекращать занятия бегом, — но стал осмотрительнее, занимался спортом, что называется, с умом. Через год у медиков ко мне претензий не было.

Попытка поступления в академию лишила меня возможности побывать в Испании, где разгорался пожар гражданской войны. Перед моим отъездом в Москву меня вызвал начальник штаба бригады Прокофий Логвинович Романенко.

— Академия — дело хорошее, — сказал он, испытующе глядя мне в глаза. — Но мы хотим предложить вам интересную командировку...

В ту пору я не мог и догадываться, что наше правительство направляет в Испанию добровольцев-танкистов, а Романенко о том, по вполне понятным причинам, умолчал. Разного рода командировок в другие округа у нас было много, к этому было не привыкать, так что я отвечал уверенно:

— Готов к выполнению любого задания! Но если можно, разрешите мне сначала закончить академию...

— Что вы, это дело добровольное, приказывать и советовать не берусь, да и не могу... Значит, твердо решили учиться?

— Так точно!

На этом разговор и закончился. Конечно, знай я, что речь идет о поездке в Испанию, страну, к которой в те дни было

приковано внимание каждого из нас, согласился бы не раздумывая. Вместо меня командиром роты поехал помощник начальника батальона Шатров. Советский воин-интернационалист выполнил свой долг до конца: он был одним из тех, кто погиб в первых схватках с фашистами.

Вспоминая батальон Д.Д. Лелюшенко, не могу не отметить, что немало внимания уделялось здесь хранению и сбережению танков. Борьба за продление срока жизни боевых машин как бы была преддверием той большой работы, которая развернулась в годы Великой Отечественной войны. Именно в середине 30-х годов закладывался фундамент того опыта, который помог нам в грозные годы войны.

Можно много рассказать о славных делах учебно-танкового батальона, о моей роте, ставшей в этом подразделении лучшей. Успехи объяснялись еще тем, что у нас сплотился дружный, хороший коллектив. Тон в делах задавал комбат. Даже сейчас, когда мне доводится встречаться с дважды Героем Советского Союза генералом армии Д.Д. Лелюшенко, он, разговаривая со мною и другим бывшим своим подчиненным – некогда командиром 4-й роты броневых автомобилей, а ныне Героем Советского Союза генерал-майором Николаем Михайловичем Филипенко, – обязательно вспоминает эпизоды нашей совместной службы. Причем такие случаи, что мы сами давно позабыли. Тут уж понимаешь, что комбат наш, в полном смысле этого слова, жил с нами одной жизнью, с большим вниманием относился к подчиненным. И се-

годня, когда это имя стоит в ряду известнейших советских военачальников, не изменилась его человеческая сущность, целостность его натуры.

Я уже упоминал командира нашего первого и передового взвода Федора Белозерова. Всегда и во всем был он моим надежным помощником, примером для воинов: отличный знаток техники, прекрасный спортсмен, умелый воспитатель. Но и другие командиры были не хуже. Работал я в роте просто с удовольствием.

Повезло мне и со старшиной Мартыновым. Бравый такой был, требовательный – душа не нарадуется, как боролся он за наведение порядка в подразделении, укрепление дисциплины. Однако к солдатам он был очень внимателен, относился по-отечески заботливо. Но именно из-за этого он меня однажды очень подвел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.